

А. Шюц. Структура повседневного мышления / Шюц. А. // Социологические исследования. - 1988, № 2.

Повседневное мышление как система конструируемых типов

Попытаемся показать, как бодрствующий взрослый человек воспринимает интересубъективный мир повседневной жизни, на которую и в которой он действует как человек среди других людей. Этот мир существовал до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. Перед нами он предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним - нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме "наличного знания" (knowledgeathand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания.

Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, - это мир объектов с более или менее определенными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но "ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно и может быть поставлено под сомнение.

Несомненное предшествующее знание с самого начала дано нам как типичное, а это означает, что оно несет в себе открытый горизонт похожих будущих переживаний. Внешний мир, например, мы не воспринимаем как совокупность индивидуальных уникальных объектов, рассеянных в пространстве и времени. Мы видим горы, деревья, животных, людей. Я, может быть, никогда раньше не видел ирландского сеттера, но стоит мне на него взглянуть, и я знаю, что это - животное, точнее говоря, собака. В нем все знакомые черты и типичное поведение собаки, а не кошки, например. Можно, конечно, спросить: "Какой она породы?" Это означает, что отличие этой определенной собаки от всех других, мне известных, возникает и проблематизируется только благодаря сходству с несомненной типичной собакой, существующей в моем представлении.

Говоря на специфическом языке Гуссерля, чей анализ типического строения мира повседневной жизни мы суммировали, черты, выступающие в действительном восприятии объекта, апперцептивно переносятся на любой другой сходный объект, воспринимаемый лишь в его типичности. Действительный опыт подтверждает или не подтверждает мои ожидания типических соответствий. В случае подтверждения содержание типа обогащается; при этом тип разбивается на подтипы. С другой стороны,

конкретный реальный объект обнаруживает свои индивидуальные характеристики, выступающие, тем не менее, в форме типичности.

Теперь - и это особенно важно - я могу считать этот, в его типичности воспринятый объект представителем общего типа, могу позволить себе сформулировать понятие типа но мне совсем не нужно думать о конкретной собаке как о представителе общего понятия "собака". В принципе, мой ирландский сеттер Ровер обнаруживает все характеристики, относящиеся, согласно моему предшествующему опыту, к типу собаки. Однако то общее, что он имеет с другими собаками, мне совсем не интересно. Для меня он Ровер - друг и компаньон; в этом его отличие от прочих ирландских сеттеров, с которыми его роднят определенные типичные характеристики внешности и поведения. Я - без особых на то причин - не склонен видеть в Ровере млекопитающее, животное, объект внешнего мира, хотя и знаю, что всем этим он также является.

Таким образом, в естественной установке повседневной жизни нас занимают лишь некоторые объекты, находящиеся в соотношении с другими, ранее воспринятыми, образующими поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта. Результат избирательной активности нашего сознания - выделение индивидуальных и типических характеристик объектов. Вообще говоря, нам интересны лишь некоторые аспекты каждого особенного типизированного объекта. Утверждение, что данный объект S имеет характерное свойство p , в форме " S есть p " - это эллиптическое суждение. Ибо S , взятое независимо от того, каким оно выглядит в моих глазах, представляет собой не только p , но также и q , и r , и многое другое. Полное Суждение должно читаться: " S есть, наряду с тем, что оно и q , и r , также и p ". Если по отношению к элементу мира, считающемуся само собой разумеющимся, я утверждаю: " S есть p ", я делаю так потому, что при наличных обстоятельствах S интересует меня в качестве p , а его бытие как q и r я оставляю без внимания как нерелевантное.

Только что использованные термины "интерес" и "релевантность" - это обозначения ряда сложных проблем, которые сейчас нам обсудить не удастся. Приходится ограничиться лишь несколькими замечаниями. Человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определенной им самой физической и социокультурной среде. В такой среде он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая" позиция. Сказать, что определение ситуации биографически детерминировано, значит сказать, что оно имеет свою историю. Это отложение всего предшествующего опыта, систематизированного в привычных формах наличного запаса знаний. Как таковое оно уникально, дано этому человеку и никому другому. Биографически детерминированная ситуация предполагает определенные возможности будущей практической или теоретической деятельности. Назовем ее "наличной целью"

(purposeathand). Эта цель как раз и определяет элементы, которые являются релевантными по отношению к ней. Система релевантностей в свою очередь определяет элементы, которые составят основу обобщающей типизации, и черты этих элементов, которые станут характерно типичными или, наоборот, уникальными и индивидуальными. Другими словами, она определяет, насколько далеко нам предстоит проникнуть в открытый горизонт типичности. Вспомним приведенный выше пример: изменение моей наличной цели и связанной с ней системой релевантностей, сдвиг "контекста", в котором выступает для меня S , может побудить меня обратиться к предикату q , а то, что S есть также и p - теперь для меня" иррелевантно.

Интерсубъективный характер повседневного знания и его импликация

Анализируя первые конструкции повседневного мышления, мы вели себя так, будто мир - это мой, частный мир, игнорируя при этом тот факт, что с самого начала он является интерсубъективным миром культуры. Он интерсубъективен, так как мы живем среди других людей, нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание. Он - мир культуры, ибо с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум,, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним. Однако эта совокупность значений - и в этом отличие царства культуры от царства природы - возникла и продолжает формироваться в человеческих действиях: наших собственных и других людей, современников и предшественников. Все объекты культуры (инструменты, символы, языковые системы, произведения искусства, социальные институты и т. д.) самим смыслом своим и происхождением указывают на деятельность человеческих субъектов. Поэтому мы всегда ощущаем историчность культуры, сталкиваясь с ней в различных традициях в. обычаях. Историчность - осадок деятельности, в которой история и раскрывается для нас. Поэтому я не могу понять объект культуры, не соотнеся его с деятельностью, благодаря которой он возник. Например, я не понимаю инструмент, не зная цели, для которой он предназначен; знак или символ - не зная, что он представляет в уме человека, использующего его; институт - не понимая, что он значит для людей, ориентирующихся на него свое поведение. Здесь основа так называемого постулата субъективной интерпретации в социальных науках, о котором мы будем говорить позднее.

Теперь предстоит рассмотреть дополнительные конструкции, возникающие в повседневном мышлении, учитывая при этом не частный, но интерсубъективный мир, и то, что представления о нем - не только мое личное дело; они изначально интерсубъективны, социализированы. Мы рассмотрим кратко три аспекта проблемы социализации знания: взаимность перспектив или структурную социализацию знания; социальное происхождение знания или его генетическую социализацию; социальное распределение знания.

Взаимность перспектив.

В естественной установке повседневного мышления я считаю само собой разумеющимся, что другие, обладающие разумом люди существуют. Это значит, что объекты мира, в принципе, познаваемы для них либо актуально, либо потенциально. Это я знаю и принимаю без доказательств и сомнений. Но я также знаю и считаю само собой разумеющимся, что "тот же самый" объект должен означать нечто различное для меня и для любого другого человека. Это происходит потому, что: 1) я, будучи "здесь", нахожусь на иной дистанции от объектов и воспринимаю их в иной типичности, чем другой человек, который находится "там". По этой же причине некоторые объекты - вне пределов моей досягаемости (моего видения, слышания, манипулирования), но в пределах его досягаемости, и наоборот; 2) биографически детерминированные ситуации, моя и другого человека, соответствующие наличные цели и определяемые ими системы релевантностей (моя и другого) должны различаться, по крайней мере, до некоторой степени.

Повседневное мышление преодолевает различия индивидуальных перспектив, являющиеся следствием этих факторов, с помощью двух основных идеализации: 1) взаимозаменяемости точек зрения (я считаю само собой разумеющимся и предполагаю: другой считает так же, что, если я поменяюсь с ним местами и его "здесь" станет моим, я буду находиться на том же самом расстоянии от объектов и видеть их в той же самой типичности, что и он в настоящий момент. Более того, в пределах моей досягаемости будут находиться те же самые вещи, что и у него сейчас. Действительно также и обратное отношение); 2) совпадения системы релевантностей. До тех пор, пока не доказано обратное, я считаю само собой разумеющимся - и предполагаю, другой считает так же - что различия перспектив, порождаемые нашими уникальными биографическими ситуациями, несущественны с точки зрения наличных целей любого из нас. И что он, как и я, т. е. "мы" полагаем, что выбрали и интерпретировали актуально и потенциально общие объекты и их характеристики тем же самым или, по крайней мере "эмпирически тем же самым", т. е.: тем же самым, с точки зрения наших практических целей, образом.

Очевидно, что обе идеализации взаимозаменяемости точек зрения и совпадения релевантностей, вместе образующие общий тезис взаимных перспектив, представляют собой типизирующие конструкторы объектов мышления, преодолевающих своеобразие объектов личного опыта моего или любого другого человека. Благодаря действию этих конструкторов можно предполагать, что тот сектор мира, который считается само собой разумеющимся мною, воспринимается так же другим, моим партнером, более того, считается само собой разумеющимся "нами". Но это "мы" включает не только "тебя" и "меня", но "каждого, кто является одним из нас", т. е. каждого, чья система релевантностей по существу (в достаточной степени) совпадает с "твоей" и "моей". Таким образом, общий тезис взаимных

перспектив ведет к формированию такого знания об объектах и их характеристиках (актуально познанных "мною" и потенциально познаваемых "тобой"), которое выступает как знание "каждого". Оно представляется объективным и анонимным, т. е. отделенным я независимым от индивидуальных определений ситуации со всеми их уникальными биографическими подробностями, актуальными и потенциальными наличными целями.

Термины "объект" и "характеристика объекта" мы должны толковать в самом широком смысле, подразумевая при этом объекты само собой разумеющегося знания. Тогда мы поймем, насколько важны интересубъективные конструкторы объектов мышления, возникающие в ходе структурной социализации знания. Многих проблем, изученных, но недостаточно основательно проанализированных выдающимися обществоведами. То, что считается знакомым каждому, кто разделяет нашу систему релевантностей, - это образ жизни, рассматриваемый как естественный, нормальный, правильный членами "мы-группы". В качестве такового он является источником множества рецептов обращения с вещами и людьми в типичных ситуациях, он является источником привычек и "нравов", "традиционного поведения" в веберовском смысле, самоочевидных истин, бытующих в "мы-группе", несмотря на их противоречивость, короче,- всего "относительно естественного аспекта мира". Эти слова относятся и к конструкторам типизированного знания, обладающего высокосоциализированной структурой, благодаря которой преодолевается специфика индивидуальных, само собой разумеющихся "представлений о мире. Но и это знание имеет свою историю. Оно - часть нашего "социального наследия", и это побуждает нас обратиться ко второму аспекту проблемы социализации знания, к его генетической структуре.

Социальное происхождение знания.

Лишь очень малая часть знания о мире рождается в личном опыте. Большая часть имеет социальное происхождение и передается друзьями, родителями, учителями, учителями учителей. Меня учат не только определять окружающую среду (т. е. типичные черты относительно естественного аспекта мира" воспринимаемого "мы-группой" как самоочевидная совокупность всех (до поры до времени несомненных вещей, которые, однако, всегда могут быть поставлены под сомнение), но и строить типичные конструкторы согласно системе релевантностей, соответствующей анонимной унифицированной точке зрения "мы-группы". Сюда относятся образы жизни, способы взаимодействия со средой, практические рекомендации по использованию типичных средств для достижения типичных целей в типичных ситуациях. Типизирующим медиумом *par excellence*, посредством которого передается социальное знание, являются словарь и синтаксис повседневного языка. Диалект повседневности - это, по преимуществу, язык имен, вещей и событий. А любое имя предполагает типизацию и обобщение в свете системы релевантностей, преобладающей

лингвистической "мы-группе", которая считает вещь достаточно значительной, чтобы найти для нее особый термин. Донаучный диалект - сокровищница готовых, уже сконструированных типов и характеристик, социальных по происхождению и несущих в себе открытый горизонт еще не найденных содержаний.

Социальное распределение знания.

Знание социально распределено. Благодаря общему тезису взаимных перспектив, несомненно, преодолевается трудность, заключающаяся в том, что мое актуальное знание - всего лишь потенциальное знание моего партнера, и наоборот. Но запас актуального наличного знания у людей различен, и повседневное мышление учитывает этот факт. Не только то, что человек знает, отлично от знания его соседа, но и то, как они оба знают "одни и те же" факты.

Знание многообразно по степени ясности, отчетливости, точности. Возьмем, к примеру, хорошо известное разграничение У. Джемсом "знания понаслышке" (knowledgeatcquaitance) и "знания как такового" (knowledgeabout). Очевидно, о многих вещах я просто где-то что-то слышал, тогда как ты имеешь ясное представление о них как таковых. Справедливым может быть и обратное отношение. Я - "эксперт" в узкой области и "дилетант" во многих других, так же, как и ты. Любой индивидуальный запас наличных знаний в тот или иной момент жизни разграничен на зоны в различной степени ясности, отчетливости, точности. Эта структура порождается системой преобладающих релевантностей и, таким образом, биографически детерминирована. Знание этих индивидуальных различий, само по себе, уже элемент обыденного опыта: я знаю, к кому и при каких типичных обстоятельствах я должен обратиться как к компетентному доктору или юристу. Другими словами, в повседневной жизни я конструирую типологию знаний другого, их объем и структуру. Поступая таким образом, я предполагаю, что он руководствуется определенной структурой релевантностей, которая выражается у него в наборе постоянных мотивов, побуждающих его к особому типу поведения и определяющих даже его личность. Но мы уже забежали вперед, приступив к анализу обыденных конструкций, связанных с пониманием других людей, что является целью следующего раздела (1).

Структура социального мира и его типизация в конструктах повседневного мышления

Я - человеческое существо, родившееся и живущее в социальном мире с его повседневностью, воспринимаю его готовым, выстроенным до меня, открытым для моей интерпретации и действия, всегда соотношенным с моей актуальной биографически детерминированной ситуацией. Только по отношению ко мне определенный вид связей с другими приобретает тот особый смысл, который я обозначаю словом "мы". Только по отношению к

"нам", где центром являюсь я, другие выступают как "вы". А по отношению к "вам", в свою очередь соотносящимся со мною, выделяется третья сторона - "они".

Во временном измерении, по отношению ко мне в настоящий момент моей биографии, существуют "современники", с которыми я могу взаимодействовать, и "предшественники", на которых я воздействовать не в состоянии, но чьи прошлые поступки и их следствия могу интерпретировать; они же, в свою очередь, могут влиять на мои собственные действия. Наконец, есть "преемники", недоступные опыту, но на которых можно ориентироваться в своих действиях в более или менее пустом ожидании. В этих отношениях воплощены самые разнообразные формы интимности и анонимности, зна-комости и чуждости, интенсивности и экстенсивности.

Здесь мы ограничимся взаимоотношением между современниками. Поскольку речь, идет о повседневности, допустим, как само собой разумеющееся, что один человек может понять другого человека, его действия и что он может общаться с другими, так как предполагает, что они понимают его собственное поведение. Мы также считаем само собой разумеющимся, что это взаимное понимание ограничено, хотя его и достаточно, для многих практических целей.

Среди моих современников есть те, с кем я разделяю, пока делятся наши отношения, не только время, но и пространство. Ради простоты терминологии будем называть таких современников партнерами (consociates), а отношения между ними - прямыми межличностными отношениями. Этот термин мы понимаем, однако, иначе, чем Ч. Кули и его последователи, обозначая им исключительно формальный аспект социальных отношений, в равной степени применимый и к интимной беседе друзей, и к случайной встрече чужих людей в железнодорожном купе. Общность пространства означает здесь, что некий аспект внешнего мира равно доступен для каждого партнера и содержит равно интересные релевантные для них объекты. Каждый видит тело другого, его жесты, походку, мимику и не просто воспринимает их как вещи или события во внешнем мире, но в физиогномическом значении, как свидетельства мыслей другого.

Временная общность - здесь имеется в виду не только внешнее (хронологическое), но также и внутреннее время - означает, что каждый партнер соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, что он может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство. Короче говоря, каждый из партнеров включается в биографию другого; они вместе взрослеют, старятся; они живут в чистом "мы-отношении".

В таком отношении, каким бы мимолетным и поверхностным оно ни было, другой воспринимается как уникальная индивидуальность, пусть и

раскрывающаяся лишь фрагментарно, выявляя всего один из аспектов своей личности в уникальной биографической ситуации. Во всех других формах социальных отношений (и даже в отношениях между партнерами, пока речь идет о нераскрытых сторонах личности другого) "я" другого человека может улавливаться лишь с помощью "воображаемого внесения гипотетического явления смысла" (если прибегнуть к выражению Уайтхеда). Иначе говоря, мы понимаем другого, конструируя типичный способ деятельности, типичные, лежащие в его основе мотивы, установки типа личности. Другой и его действия, недоступные моему непосредственному наблюдению, объясняются при этом как простые примеры, образчики данного типа личности.

Мы не можем сравнивать здесь классификацию структур социального мира, типов действия и типов личности, необходимых для понимания "другого" и его поведения. Думая об отсутствующем друге А, я конструирую идеальный тип его личности и поведения на основе моего прошлого восприятия Л как партнера. Опуская письмо в почтовый ящик, я ожидаю, что незнакомые мне люди, именуемые почтовыми служащими, будут действовать типичным образом (не совсем мне понятным), в результате чего письмо дойдет до адресата в типично разумный срок. Даже не встречаясь с французом или немцем, я понимаю "почему Франция боится перевооружения Германии". Подчиняясь правилам английской грамматики, я следую принятому в обществе образцу поведения моих современников, говорящих по-английски. К ним я должен приспособить свое поведение, чтобы быть понятым. Наконец, любой артефакт, любой инструмент указывает на некоего безымянного человека, который создал его для того, чтобы другие безымянные люди воспользовались им для достижения типичных целей типичными средствами.

Это лишь несколько примеров, упорядоченных по степени усиления анонимности отношений между современниками, а тем самым и конструктов, используемых для понимания другого и его поведения. Очевидно, увеличение анонимности влечет за собой уменьшение полноты содержания. Чем более анонимен типизирующий конструкт, тем меньше отражена в нем уникальная индивидуальность описываемого лица, тем меньше сторон его личности и поведения типизируются как релевантные с точки зрения наличной цели, ради которой, собственно, и конструируется тип. Если мы выделим типы личности (субъективные) и типы действия (объективные), то можно сказать, что усиление анонимности конструктов ведет к преобладанию последних. В случае полной анонимизации люди считаются взаимозаменяемыми, а типы действия обозначают "чье бы то ни было" поведение, как оно предопределено конструктом.

Следовательно, можно сказать, что, за исключением чистого "мы-отношения" партнеров, нам никогда не удастся "схватить" индивидуальность человека в его уникальной биографической ситуации. В конструктах повседневного мышления другой проявляется в лучшем случае как частичное

"Я", и даже в чистом "мы-отношении" он обнаруживает лишь некоторые аспекты своей личности.

Идея эта важна во многих отношениях. Г. Зиммелю она помогает преодолеть дилемму индивидуального и коллективного сознания, столь отчетливо видевшуюся Э.Дюркгейму. Она положена в основу теории Ч. Кули о возникновении "Я" благодаря "зеркальному эффекту". Д. Г. Мида она привела к многообещающей концепции "обобщенного другой". Наконец, она была решающей в деле прояснения таких понятий, как "социальная функция", "социальная роль" и "рациональное действие".

Однако это еще не все, когда я конструирую "другого" как частную личность, исполнителя типичных ролей и функций, во взаимодействии с которым участвую я сам, параллельно развивается процесс самотипизации. В этом отношении я участвую не как целостная личность, а фрагментарно. Определяя роль "другого", я принимаю и свою роль. Типизируя поведение "другого", я типизирую и свое собственное, связанное с ним поведение. Я превращаюсь в пассажира, потребителя, налогоплательщика, читателя, зеваку и т. д. Эта самотипизация лежит в основе выделения У. Джемсом и Д. Г. Мидом элементов, обозначаемых терминами "I" и "Me" в целостности социальной личности.

Нужно, однако, помнить, что конструкты здравого смысла, используемые для типизации "другого" и для самотипизации, имеют по преимуществу социальное происхождение и социально санкционированы. В рамках "мы-группы" большинство личностных и поведенческих типов действия воспринимаются как нечто само собой разумеющееся (пока нет свидетельств об обратном) - как набор правил и предписаний, которые не опровергнуты до сих пор и, предполагается, не будут опровергнуты в будущем. Более того, типические конструкты часто институционализируются в качестве стандартов поведения, поддерживаемых обычаем и традицией, а иногда и особыми средствами так называемого социального контроля, например, законом.

Типы действий и типы личности

Теперь мы кратко остановимся на модели действия и социального взаимодействия, лежащей в основе конструирования типов действия и типов личности в повседневном мышлении.

Действие, проект, мотив.

Термином "действие" так, как он используется в этой работе, мы обозначаем продуманное человеческое поведение, т. е. поведение, основанное на составленном заранее проекте. Термином "акт" мы будем обозначать результат развертывающегося процесса - т. е. завершённое действие. Последнее может быть скрытым (например, мысленная попытка

решить научную проблему) или открытым, включенным во внешний мир. Оно может быть делом и бездельем, намеренным воздержанием от поступка - в этом случае оно считается действием в себе.

Любое проектирование заключено в воображении будущего поведения. Однако отправной точкой любого проектирования оказывается не развертывающийся процесс действия, но завершённый в воображении акт. Прежде чем планировать этапы будущей деятельности, я должен представить себе то завершённое положение дел, к которому они приведут. Образно говоря, прежде чем приняться за чертежи, я должен иметь в голове замысел проекта здания. Поэтому в воображении я переношу себя в будущее, т. е. туда, где действие уже будет завершено. И лишь затем я реконструирую в воображении отдельные этапы совершающегося в будущем акта.

Согласно нашей терминологии, не будущее действие, а будущий акт предвосхищается в проекте. Время его - будущее совершённое (*modofuturixasti*). Такая характерная для проекта временная перспектива влечет за собой важные выводы,

1. Все проекты предстоящих актов основываются на наличии моих знаний в момент проектирования. Сюда подключается опыт ранее совершённых актов, типически сходных с проектируемыми, а следовательно, играет роль и особая идеализация, которую Гуссерль именовал идеализацией "Я-могу-это-снова". Согласно такому предположению, в типически сходных обстоятельствах я могу действовать в сущности так же, как я действовал и раньше для достижения типически сходного результата.

Ясно, что эта идеализация требует конструирования особого рода. Мое наличное знание во время проектирования, строго говоря, должно отличаться от наличного знания после совершения акта, хотя бы потому, что я "стал старше", и сама реализация проекта модифицировала мои биографические обстоятельства, пополнила опыт. Так что "повторение" действия - это не просто его воспроизведение. Первое действие D' начиналось в обстоятельствах O' и привело к ситуации C'. Повторяемое действие D'' начинается в обстоятельствах O'' и должно будет завершиться ситуацией C''. C'' неизбежно будет отличаться от O', так как знание о том, что D' просто привело к C', стало элементом обстоятельств нового действия O''. Раньше же, когда я планировал первое действие, налицо было лишь пустое предвосхищение будущей ситуации. C'' тоже будет отличаться от C', как и D'' от D'. Это происходит потому, что O', O'', D', D'', C', C'' мы обозначаем сами по себе уникальные и неповторимые явления. Однако именно те черты, которые делают их уникальными и неповторимыми, повседневное мышление просто-напросто отбрасывает, ибо они нерелевантны с точки зрения имеющейся цели. Когда я конструирую идеализацию "Я-могу-это-снова" (*I-can-do-it-again*), мне важна типичность O, D, C - и без всяких "прим". Фигурально говоря, конструирование состоит в подавлении "прим" по причине их нерелевантности, что, кстати, характерно для типизации вообще.

Этот момент особенно важен для анализа понятия так называемого рационального действия. Очевидно, в рутине повседневной деятельности мы прибегаем к подобному конструированию, следуя условным правилам лишь потому, что до сих пор они нас не подводили, и связываем тем самым цели и средства, относительно действительного взаимодействия которых вовсе не имеем ясного представления. Именно в повседневном мышлении мы конструируем мир фактов, которые кажутся взаимосвязанными, мир, содержащий только те элементы, что считаются релевантными с точки зрения наличной цели.

2. Особая временная перспектива проекта проливает свет на взаимосвязь проекта и мотива. В обыденной речи словом "мотив" обозначаются две разные системы понятий, которые следует различать.

Можно сказать, что мотивом убийцы было ограбление жертвы. Здесь под "мотивом" понимается цель, положение дел, которое призвано реализовать предпринятая акция. Мы назовем такой мотив "для-того-чтобы" (in-order-to-motive). С точки зрения деятеля, этот класс мотивов апеллирует к будущему. Положение, дел, которое должно возникнуть в будущем, воображенное в проекте, и есть мотив свершения действия. Можно сказать, что проект убийцы был мотивирован его трудным детством, окружающей социальной средой и т. п. Такой мотив назовем мотивом "потому-что" (because-motive). С точки зрения действующего лица, этот мотив соотносит действия (2) с прошлыми переживаниями, побуждающими его поступать именно таким образом. В форме "потому-что" мотивируется сам проект действия (например, добыть денег, убив человека).

Мы не можем входить здесь в детальный анализ теории мотивов. Следует лишь отметить, что человек в процессе деятельности мотивирует ее только по типу "для-того-чтобы", имея в виду состояние дела, на реализацию которого ориентирована его текущая деятельность. Лишь бросив взгляд назад - на уже совершенный акт или на пройденные первоначальные этапы развертывающегося действия, или даже на уже созданный проект, предвосхищающий акт (modofuturiexacti),- можно ретроспективно уловить мотив "потому-что", побудивший сделать то, что сделано или запроектировано. Но в этом случае человек уже не действует, он наблюдает себя самого. Различие двух видов мотивов жизненно важно для анализа человеческого взаимодействия, к которому мы теперь обратимся.

Социальное взаимодействие.

Любая форма социального взаимодействия зиждется на уже описанных конструктах, при помощи которых понимаются "другой" и модель действия вообще. Возьмем взаимодействие партнеров: вопрошающего и отвечающего.

Проектируя вопрос, я предвижу, что "другой" поймет мое действие (например, произнесение вопросительного предложения) как вопрос, и это

побудит его действовать так, чтобы я понял его реакцию как адекватную (Я: "Где чернила?" Партнер указывает на стол). "Для-того-чтобы" (мотив моего действия) рассчитан на получение адекватной информации; в данной ситуации предполагается, что понимание моего мотива "для-того-чтобы" станет для "другого" мотивом "потому-что", и он совершит действие, "для-того-чтобы" дать мне эту информацию. Все это верно, разумеется, при условии, что он хочет и может сделать то, что я, со своей стороны, от него ожидаю. Я предвижу, что он понимает по-английски, знает, где хранятся чернила, и что он скажет мне, если знает, и т. д. В общем и целом, я ожидаю, что он будет руководствоваться теми же типами мотивов, которыми в прошлом - как свидетельствует мое наличное знание - руководствовался я сам и многие другие в типически сходных обстоятельствах.

Наш пример показывает, что даже простейшее взаимодействие в обыденной жизни использует набор повседневных конструкторов (в данном случае, конструкторов ожидаемого поведения "другого"), основывающихся на идеализации, согласно которой мотив "для-того-чтобы" одного деятеля становится мотивом "потому-что" его партнера, и наоборот. Мы назовем это идеализацией взаимности мотивов. Очевидно, она обусловлена общим тезисом взаимности перспектив, поскольку предполагает, что мотивы, приписываемые "другому", типично те же, что у меня или у других в типично тех же обстоятельствах. Все это соответствует социально обусловленному наличному знанию.

Предположим теперь, что я ищу чернила для наполнения авторучки, с тем чтобы написать в комитет фонда заявление о предоставлении средств для реализации научного проекта. Если заявление будет удовлетворено, изменится весь мой образ жизни. Я - действующее лицо (вопрошающий), и я один знаю о моем плане, представляющем собой конечный мотив "для-того-чтобы" моего актуального действия, знаю то состояние дел, которому предстоит осуществиться. Конечно, это может быть сделано лишь постепенно (нужно написать заявление, найти письменные принадлежности и т. д.), причем каждый из этапов должен материализоваться в "действии" по особому проекту, с особым "для-того-чтобы" мотивом. Однако все эти "микродействия" - лишь фазы целостного действия, и все промежуточные шаги, в них воплощенные, - это лишь средств, достижения конечной цели, определенной изначально проектом. Размах его связывает микропроекты в единую цепь. Это становится ясным, если принять во внимание, что в цепи взаимосвязанных частичных действий, порождающих ситуации, которые всего лишь "средства" для достижения проектируемой цели, одни звенья можно заменить другими или просто опустить. В первоначальном проекте ничего не изменится. Если я не найду чернил, могу воспользоваться пишущей машинкой, и заявление будет написано.

Другими словами, только действующее лицо знает, "когда его действие начинается и где оно заканчивается", т. е., почему оно будет осуществлено. Именно протяженность проектов определяет единство действия. Партнер не

знает ни о проекте, предшествовавшем действию, ни о масштабе контекста, в который оно включено. Он знает только тот фрагмент действия, который развернут перед ним, а именно: наблюдавшийся им совершенный акт или же прошлые фазы текущего действия. Если бы моего партнера спросили, чего же я хотел, он ответил бы, что я спрашивал, где найти чернила. Это все, что он знает о моем проекте и его контексте, он видит в нем самостоятельное отдельное действие. Чтобы "понять" смысл моего действия, ему пришлось бы, начав с наблюдаемого акта, конструировать лежащий в его основе "для-того-чтобы" мотив, т.е. определить, зачем я сделал то, чему он был свидетелем.

Теперь ясно, что смысл действия неизбежно окажется различным: а) для самого действующего лица; б) для взаимодействующего с ним партнера, с которым он имеет общий набор целей и релевантностей; в) для наблюдателя, не включенного в это отношение. Отсюда вытекают два важных вывода. Во-первых, повседневное мышление дает нам лишь вероятную возможность понять действие "другого" в той мере, которая достаточна для нашей наличной цели. Во-вторых, чтобы увеличить вероятность, мы должны искать тот смысл, который имеет действие для самого действующего. Так что постулат "субъективной смысловой интерпретации", как он неудачно именуется, не есть отличительная черта социологии Макса Вебера или вообще методологии социальных наук. Это - принцип конструирования типов действия в повседневном опыте.

Субъективная интерпретация возможна только как выявление мотивов, определяющих данный ход действия. Соотнося тип действия с лежащими в его основе типичными мотивами, мы начинаем конструировать тип личности. Последний может быть более или менее анонимным, т. е. лишенным содержания. В "мы-отношении" партнеров действие "другого", его мотивы (поскольку они проявляются) и его личность (поскольку она вовлечена в явное действие) воспринимаются в непосредственности; указанные здесь типы обнаруживают низкую степень анонимности и значительную полноту содержания. Конструируя типы действия современников (не партнеров), мы приписываем более или менее анонимным участникам набор инвариантных мотивов, управляющих их действиями. Этот набор сам по себе есть конструкт типичных ожиданий от поведения "другого", он часто изучается с точки зрения социальной роли, функции или институционального поведения. В повседневном мышлении такой конструкт особенно важен в проектировании действий, ориентированных на поведение современников (но не партнеров). В чем заключаются его функции? 1. Я считаю само собой разумеющимся, что мое действие (скажем, опускание в ящик снабженного маркой и правильно надписанного конверта) побудит анонимных для меня людей (почтовых служащих) совершить типичные действия (обработать почту) в соответствии с типичными "для-того-чтобы" мотивами (выполнение профессиональных обязанностей), в результате чего будет достигнуто запроектированное мною состояние дел (доставка письма адресату в установленный срок). 2. Я также считаю само собой разумеющимся, что мой

конструкт типа "действия другого", в сущности, соответствует его собственной самотипизации, и что в последнюю включается типическое представление о моем (его анонимного партнера) типичном способе поведения, основанном на типичных и предположительно инвариантных мотивах (кто бы ни опустил должным образом надписанный и снабженный маркой конверт в почтовый ящик, предполагается: он будет доставлен по адресу в определенное время). 3. И, более того, в моей собственной самотипизации (в роли клиента почтовой службы) я должен проектировать мое действие по такому типу, который, как я предполагаю, будет отвечать ожиданиям типичного почтового служащего по отношению к типичному клиенту. Эта конструкция взаимосвязанных поведенческих моделей оказывается конструкцией взаимоспереплетенных "для-того-чтобы" и "потому-что" мотивов, воспринимающихся как инвариантные. Чем более институционализована и стандартизована такая модель, т. е. чем более она типизирована и социально санкционирована с помощью законов, правил, норм, обычаев, традиций и т. д., тем больше вероятность того, что мое собственное самотипизированное поведение достигнет желаемой цели.

Сноски

1. За исключением некоторых экономистов проблема социального распределения знания не привлекала должного внимания специалистов в общественных науках. А ведь она открывает новое поле для теоретических и эмпирических исследований, которые действительно заслуживали бы названия социологии знания, сохраняющегося ныне за неопределенной дисциплиной, принимающей на веру то самое социальное распределение знания, на котором она основана. Хотелось бы надеяться, что систематическое изучение этой области внесет значительный вклад в решение таких проблем, как проблема социальной роли, социальной стратификации, институционального или организованного поведения, социологии занятий и профессий, престижа, статуса и т. д.

2. В понятие "действие" включается все человеческое поведение, когда и поскольку действующий индивид придает ему субъективное значение... Действие является социальным, поскольку в силу придания ему действующим (или действующими) субъективного значения оно учитывает поведение других, а тем самым ориентируется на него.